

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина

(Москва, Российская Федерация)

профессор кафедры романских и славянских языков

Экономический университет

(Братислава, Словакия)

ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается этимологическое гнездо как объединение слов, восходящих к общему этимону, и лингводидактическая ценность подобной группировки при изучении близкородственного языка. На материале двух языков – русского и чешского – раскрывается сущность подобного объединения лексики, причины семантических изменений входящих в него лексем и его роль в изучении русского языка в инославянской аудитории. Актуальность темы обеспечена значимостью исследования систематизации лексики русского языка с целью ее наиболее эффективной презентации в иностранной аудитории. Научная новизна связана с описанием возможностей этимологического гнезда, включающего лексемы родного и изучаемого языков, при преподавании РКИ. Автор приходит к выводу, что такая группировка лексики (дополнительно к тематической, лексико-семантической, синонимической, омонимической группам, антонимическим парам и т. п.) имеет и собственно лингвистическое, и большое методическое, воспитательное, мотивирующее значение: помогает не только закреплению слов в долговременной памяти, лучшему пониманию языковой системы, но и способствует интересу к изучению языка, осознанию славянского единства, языковой и культурной общности славян.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этимологическое гнездо, билингвальный аспект, славянские языки, русский язык как иностранный

Д л я ц и т и р о в а н и я : Маркова Е. М. Билингвальное этимологическое гнездо в лингвистическом и лингводидактическом аспектах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1027

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ведущих принципов при обучении русскому языку как иностранному является принцип системности. Все, что предъясняется системно, способствует лучшему усвоению и запоминанию. Поэтому при планировании учебного процесса, при написании учебников преподаватели стремятся найти основания для систематизации лексики и грамматики в процессе ее презентации. Этот методический принцип отражает и реальную связь языковых единиц, которые образуют систему языка. С принципом систематизации связаны и другие основополагающие принципы: принцип минимизации лексико-грамматического материала, принцип взаимосвязанного обучения, принцип ситуативно-тематического и концентрического расположения

изучаемого языкового материала, принцип «от простого к сложному» и др.

Лексика русского языка с целью ее овладения иностранцами может быть систематизирована по разным основаниям: на основе синонимических и антонимических отношений (в составе синонимических рядов и антонимических пар), в виде внутриязыковых и межъязыковых омонимов и паронимов, в составе тематических и лексико-семантических групп, словообразовательных гнезд, синтагматических рядов [14], [15], [16], [17] и др. Языковой материал любого учебника по РКИ прежде всего группируется в соответствии с ситуативно-тематическим принципом, то есть дается вокруг определенных тем и ситуаций, связанных с ней, например, тем «Моя семья», «Мой день», «Магазин»,

«Транспорт», «Увлечения» и т. п. Это ведущее основание группировки лексического материала, так как оно отражает коммуникативные потребности изучающих иностранный язык, нацелено на лексическое обеспечение возможности говорить на ту или иную тему. Чем больше связей с другими лексическими единицами устанавливается при овладении какой-либо лексемой, тем большей мнемонической силой оно обладает, тем более прочно ее положение в памяти учащегося и тем больше вероятность ее использования в речи. Выражаясь образным языком, разнообразные связи лексемы с другими словами языковой системы при изучении иностранного языка подобны корневой системе растения: чем она разветвленнее, тем прочнее растение, подобно этому, чем больше связей (тематических, синтагматических, синонимических, антонимических, словообразовательных и пр.) имеет лексема в сознании учащегося, тем прочнее ее положение в его памяти. Важное значение при изучении близкородственного языка имеют этимологические связи слов, их группировка в рамках гнезда с этимологически общим корнем [8], [9]. Системный характер лексики, организации словарного состава языка обусловил необходимость не только исследования отдельных групп слов (тематических, лексико-семантических, словообразовательных, этимологических), но и их лингводидактического использования.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Для начала следует определиться в различиях между словообразовательным и этимологическим гнездом ввиду близости этих понятий, так как основанием группировки лексики и в том, и в другом случае является родство слов, общность корневой морфемы. В отличие от словообразовательного гнезда, в состав которого входят слова с одним корнем с точки зрения синхронного состояния языка, этимологическое гнездо – группа слов, восходящих к общему этимону, то есть этимологически общему корню. Этимон – первичное значение лексемы, сема, являющаяся общей для всех однокоренных слов и семантически их объединяющая в рамках этимологического словообразовательного гнезда [1: 19]. Этимологическое гнездо включает в себя «все генетически связанные слова, независимо от степени прозрачности этих связей на современном уровне» [3: 24]. Состав его выявляется при обращении к истории языков, этимологии лексических единиц, родственным языкам.

Конечно, овладевая русским языком как иностранным, учащиеся прежде всего изучают его

современное состояние, поэтому вопросы истории языка, его этимологии крайне редко освещаются на занятиях РКИ, да это и не нужно, исходя из главной, коммуникативной, цели его изучения. Однако методика обучения русскому языку как инославянскому характеризуется прежде всего особой лингводидактической группировкой лексического материала [9]. При изучении русского языка в славянской аудитории группировка лексики в виде этимологических гнезд (наряду с другими, вышеперечисленными) имеет большое положительное значение для закрепления лексем в памяти учащихся. Речь в данном случае идет не о полном этимологическом гнезде, включающем лексемы, восходящие к общему праславянскому корню во всех славянских языках, что имеет прежде всего типологическое значение. При лингводидактическом описании лексики важность представляет частичное, билингвальное, этимологическое гнездо, в составе которого оказываются лексемы изучаемого и родного языков с общим корнем. Группировка лексики изучаемого (русского) и родного славянского языка в виде этимологических гнезд имеет не только собственно лингвистическое, но и большое методическое, воспитательное, мотивирующее значение. Такая группировка не только помогает закреплению слов в долговременной памяти, обеспечивает крепость их «корневой системы», но и помогает осознанию славянского единства, общности нашей истории, ощущению неразрывной связи славянских языков и культур, чувству славянской идентичности.

При изучении лексической системы мы исходим из установки, что те знания и представления о мире, которые выявляются на синхронном срезе языка, сформированы в разные периоды его существования. «Историческая память» [12: 26] требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики языковых единиц. Динамический подход позволяет проследить эволюцию слова и в концептуальном смысле, выявить актуальную «специфическую реакцию носителей языка на внеязыковую действительность» [6: 36], понять то, как по мере когнитивного усложнения мира и его познания развивается содержание и структура языковых форм. Поэтому постижение разнообразных трансформаций значения общего корня в двух (родном и изучаемом) языках дает возможность расширения лингвистического кругозора учащихся, формирования их лингвистической компетенции.

Рассматривая лексику русского языка в зеркале родного (славянского) языка, можно нагляднее представить картину перемещений, сдвигов, семантических переносов, утрат, характеризующих процесс языкового развития, ведь «то, что ис-

чезает в одном языке, может уцелеть в другом, и недостающие звенья в традиции одного языка дополняются указаниями, взятыми из другого» [10: 20–21]. Этимологическое гнездо позволяет продемонстрировать историческую связь слов, необходимую при изучении лексики родственного языка.

Если говорить о вопросах исторического развития слов, то следует заметить, что В. В. Виноградов справедливо считал слова близкородственных языков, восходящих к общему этимону, к «разветвлениям одного слова», его «историческими вариациями» [4: 119], М. М. Покровский также называл их «вариациями значений слова» [11: 36]. Поэтому билингвальное этимологическое гнездо представляет собой, по сути, словообразовательное гнездо, но в рамках двух языков. Такое объединение слов, восходящих к общему источнику, дает возможность еще и проследить логику, траекторию семантического движения слова, выявить не только лексические, но и смысловые связи, что активизирует сознательные стороны познавательного процесса, помогает сознательному усвоению лексики.

Конечно, внимание к этимологическим связям слов изучаемого и родного языков при преподавании русского языка как инославянского требует соответствующей компетентности преподавателя или автора учебника, хорошего знания истории языка, исторической лексикологии и семасиологии, понимания причин семантических изменений праславянских корней в разных славянских языках. Речь идет не о том, чтобы выносить эти знания в аудиторию (здесь нужно руководствоваться «системой айсберга», в соответствии с которой только одна седьмая знаний преподавателя эксплицируется учащимся), но о понимании преподавателем внутренних языковых связей родного и изучаемого языков, закономерностей их развития, их дифференциации.

ПРИЧИНЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИХ СЛОВ

Если говорить о причинах семантических изменений этимологически общих слов, то они обусловлены не только экстралингвистическими причинами, но и собственно лингвистическими. Зачастую на семантическое развитие слова влияет целый комплекс причин. Лингвистические (языковые) факторы выражаются в действии внутренних законов развития языка, в «давлении системы». Среди внутриязыковых факторов семантических изменений можно назвать, в частности, способность слова к варьированию в процессе речи, а также тенденцию к семантическому или стилистическому расподоблению синонимов. Изменение отдельного языкового факта также

ведет к перестройке лексико-семантических отношений целой части лексики. Так, появление или утрата одного из синонимов влияет на семантическую характеристику других членов синонимического ряда.

Фактором, ведущим к семантическому «дроблению» лексемы, является и синкретичный характер этимона, отсутствие четко ограниченного объема, «диффузность» понятия, в состав которого может входить несколько признаков, недостаточно «расчлененных» между собой. Синкретизм первичного значения общеславянских лексем является отражением «синкретизма мироощущения» древних славян. По мере развития общества и языка «происходит неуклонное дробление смысла древней синкреты-корня» [7: 26]. При этом у носителей разных языков может проявиться различное направление семантического движения общей праславянской лексемы.

Вслед за М. М. Покровским необходимо выделить и такую причину семантических изменений лексем, как контекст употребления. Как известно, синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики. «Преимущественное употребление слова в каких-то устойчивых контекстах может вести к постепенному смещению его первоначального значения» [13: 55]. М. Бреаль назвал это «семантическим заражением». В таком случае «промежуточным звеном» [2: 204], объясняющим направление семантического развития слова, является словосочетание. Поэтому столь важно изучать словосочетания, а не отдельные слова: они не только определяют значение слова, но и дают представление о его функционировании, помогают вывести в речь.

Однако «языковые» и «внеязыковые» факторы семантических сдвигов трудно представить себе в «чистом» виде [13: 56], они всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены. К тому же указанные два фактора – внутренний и внешний – объясняют далеко не все факты изменений в языке. «Язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека» [5: 85], на этом основан современный антропоцентрический подход к рассмотрению языковых фактов и языковой эволюции. Поэтому для понимания устройства и функционирования языка первостепенное значение имеет учет соотношения трех элементов: внеязыковой действительности, языковых факторов и самого человека с его мышлением и психологией. По мнению В. Г. Гака, «именно человек оказывается решающим фактором в варьировании и эволюции средств номинации в целом» [5: 85]. Психологический фактор является определяющим в развитии разного рода переносных значений, коннотативных сдвигов

и переосмыслений, основанных на ассоциациях, возникающих в сознании человека.

Семантические варианты единиц двух родственных языков, входящих в состав этимологического гнезда, отражают действие вышеперечисленных факторов, их объединение помогает восстановить утраченные связи между словами близкородственных языков, предъявить их как элементы одной словообразовательной системы, соединить в сознании учащихся.

АНАЛИЗ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД НА РУССКО-ЧЕШСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Лингводидактическая ценность того или иного этимологического гнезда определяется функциональной востребованностью входящих в него элементов, их активностью в речи, включенностью в лексические минимумы. Материал для описания этимологических гнезд был извлечен из авторитетных этимологических словарей, таких как «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (Под ред. О. Н. Трубачева. М., (вых. с 1974 г.)); Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. (2-е изд. М., 1986); Этимологический словарь русского языка (Под ред. Н. М. Шанского. М., (вых. с 1963)); Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. (М., 1993); Machek V. Etymologický slovník jazyka českého, 2-é vyd. (Praha, 1968); Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého (Praha, 1952) и др.

Иллюстрацией может служить этимологическое гнездо с корнем *-ruch-/-rychl-*, взятое в билингвальной, русско-чешской, проекции. В него входят такие лексемы, как рус. *рыхлость, рыхлый, рыхлить, разрыхлитель*, (разг.) *рухлядь, рушить, нарушить, разрушить, разруха, рухнуть* / чеш. *ruch* ‘движение’, *rychlost* ‘скорость; движение; быстрота, спешка’, *rychlík* ‘скорый поезд’, *rychlě* ‘быстро’, *ruchadlo* ‘плуг’¹, *výrušit* ‘побеспокоить’, *vzrušit* ‘возбудить’ (книж.), *roucho* ‘облачение, наряд, мантия’², *rouška* ‘стерильная ткань, марля, маска’³. Все они восходят к праслав. **ruch-* ‘движение’ (которое бытовало в древнерусском языке: *рухъ* ‘движение’⁴, а также сохранилось в современном чешском) от глагола *рухати* ‘двигать, трогать’⁵. Наглядно билингвальное этимологическое гнездо может быть представлено в таком виде:

рыхлый рыхлость рыхлить разрыхлитель
рушить разрушить разруха нарушить нарушение рухнуть
рухлядь
***ruch**
ruch rychlost rychlík rychlě
ruchadlo výrušit ruška vrušit
roucho rouška

Первичное значение деривата *рыхлость* (от праслав. **rychlъ* ‘быстрый’, рус. *рыхлый*, чеш. *rychlý*) раскололось на две семемы: ‘рассыпчатость, неплотность’ (в русском языке) и ‘скорость; движение; быстрота, спешка’ (в чешском)⁶. С современной семантикой рус. *рыхлость, рыхлый* соотносится однокоренное чеш. *ruchadlo* ‘плуг’ – ‘орудие для рыхления земли’⁷. С движением связана семантика глагола *нарушить* – ‘привести в движение’, существительного *разруха* – ‘нарушение, беспорядок’. Значение глагола *рухнуть* ‘упасть, разрушаясь, распадаясь на части’ содержит не только сему ‘двигаться вниз’, но и сему ‘распадаться на части’.

Эта связь прослеживается и в семантической эволюции принадлежащего к тому же этимологическому гнезду слова *рухлядь*, в настоящее время означающего ‘пришедшие в ветхость вещи, одежда, старье’ (то есть разрушенные, потерявшие новизну). Значение ‘ткань, одежда’ у данного корня также древнее: еще в X веке впервые упоминается в славянских землях ‘исподнее платье’ – *рухо* ‘грубая одежда, тканная из конских волос или козьей шерсти’⁸. По всей видимости, являясь дериватом от глагола *rušit* (рус. *рушить*), имеет мотивацию, связанную с обработкой ткани, которую рвали, рушили (в современных южнославянских языках *рухо* известно в значении ‘одежда’)⁹. Чеш. *rouška*, суффиксальное производное от *roucho* ‘нижняя одежда, рубашка’, вначале было термином и обозначало ‘стерильную ткань, применяемую при инъекциях, для предохранения от радиоактивного заражения’, ‘марлю’¹⁰, но в условиях пандемии коронавируса стало активно употребительным словом в значении ‘медицинская маска’.

Мнемически закрепить лексемы изучаемого языка и акцентировать внимание на их специфической семантике и особенностях функционирования можно при помощи синтагматических скреп, демонстрирующих сочетаемостные возможности лексем:

рыхлить землю, рыхлый слой, разрыхлитель теста
 рушить / разрушить дом, отношения, связи, семью
 нарушить перемирие, закон, границу и т. п.

В рамках одного этимологического гнезда в двух языках может наблюдаться семантическая дифференциация по шкале «хороший – плохой», то есть энантиосемия, часто возникающая в результате дробления семантически синкретичного корня, вербализующего недифференцированное понятие. Так, корень *год-* обнаруживает не только «положительную» семантику, но и «отрицательную». Изначально слово *год* имело обобщенную семантику ‘время’,

причем чаще всего с дополнительным «положительным» оттенком: ‘удачное, счастливое, благоприятное время’, сохранившимся в таких дериватах, как *годный, угодный, пригодный, пригожий, угодить (кому)* ‘сделать что-либо в соответствии с желанием’, *годиться / пригодиться*, а также в чешских лексемах *hodný* ‘хороший, достойный’, *pohoda* – ‘хорошая, прекрасная погода’¹¹. «Положительный» характер мотивемы прослеживается и в чешском устаревшем *hod*, сохранившемся в некоторых устойчивых сочетаниях, например: *Boží hod* ‘Рождество’, форме мн. ч. – *hody* – наименовании пира, праздничного времени¹². Значения русских производных *непогода* ‘плохая погода’, *распогодилось* ‘прояснилось’ – об улучшении погоды), *погожий* ‘хороший день’), пословица *ждать у моря погоды* (букв. ‘ждать хорошей погоды’ – о бесполезных ожиданиях чего-л.) свидетельствуют, что и слово *погода* первоначально обозначало ‘хорошую погоду’. Современное рус. *погода* ‘состояние атмосферы’ обладает нейтральной семантикой, а в чешском языке широко употребительны «нейтральные» производные *hodina* в значении ‘час’ и *hodinky* – ‘часы’.

Русскому языку известно аналогичное чешскому производное *година*, которое в настоящее время используется в «отрицательном» значении, транслируемом контекстами: *тяжелая година, суровая година, година испытаний*, имеющими «высокую» стилистическую окраску. Отрицательную семантику имеет и глагол *угодить (во что)* в значении ‘попасть во что-то плохое, вляпаться’: *угодить в грязь, в неприятную ситуацию* и т. п. Однако исторически русскому *година* было присуще нейтральное значение ‘час’, как и его чешскому корреляту. Так, со старым значением слова *година* ‘час’ мы встречаемся в стихотворении А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «День каждый, каждую годину привык я думой провождать».

В целом данное этимологическое гнездо можно представить в таком виде:

<i>годный</i>	<i>угодный</i>	<i>пригодный</i>	<i>пригожий</i> (+)
<i>годиться / пригодиться</i>		<i>угодить (кому)</i> (+)	
<i>непогода</i>		<i>распогодилось</i>	
		<i>погожий</i> (+)	
<i>година</i>	<i>угодить (во что)</i> (-)		
<i>погода</i> (нейтр.)			
*god			
	<i>hodina</i>	<i>hodinky</i> (нейтр.)	
<i>hodný</i>	<i>pohoda</i>	<i>Boží hod</i>	<i>hody</i> (+)

На разных аксиологических полюсах оказались и дериваты общеславянского корня **-trav-*, которому изначально была свойственна сема ‘пища, продукты’, что подтверждается значением древнерусского *трава* – ‘то, что употреблял

в пищу скот’ от *травить* – ‘потреблять даваемую пищу’ (дальнейшее развитие значения связано с метонимическим переносом: ‘пища для скота’ → ‘пища в виде растений’ → (соврем.) ‘растение’)¹³. Первичная семантика этого корня отмечается у их чешских соответствий, например чеш. *strava, potrava* ‘пища’, *potraviny* ‘продукты’, *trávit* ‘переваривать’ и (перен.) ‘проводить время’, *trávení* ‘пищеварение’¹⁴. Противоположная семантика рус. *травить / отравить, отрава* ‘яд, отравленная еда’, а также чеш. *otrava* ‘отравление’, чеш. *otrušik* ‘мышьяк’ в данном случае связана с «отрицательным» значением префикса *o-*.

<i>травить / отравить</i>		<i>отрава</i> (-)	
		<i>трава</i> (нейтр.)	
*trav			
<i>strava</i>	<i>potrava</i>	<i>potraviny</i> (нейтр.)	
	<i>otrava</i>	<i>otrušik</i> (-)	

Этимологическое гнездо двух языков может включать в себя и фонетические варианты общего корня, оно позволяет продемонстрировать их родство и семантическую выводимость. Так, к общеславянской основе **mog-tь* восходят рус. *мочь / смочь, помочь, занемочь* ‘заболеть’, *мощный* ‘сильный’, *мощь* ‘сила’, *немошь* ‘бессилие’, *помощь, помощник*, а также чеш. *tos* ‘сила’, *netos* ‘болезнь’, *byt netocen* ‘болеть’, *netosnú* ‘больной’, *netosnice* ‘больница’, *rotos* ‘помощь’¹⁵ с чередованиями согласных в общем корне, обусловленными различной судьбой праславянских сочетаний согласных в разных группах славянских языков. Группировка дериватов родного и изучаемого языков в составе общего этимологического гнезда дает возможность объединить их в сознании и памяти учащихся.

<i>мочь / смочь</i>	<i>помочь</i>	<i>занемочь</i>	
<i>мощный</i>	<i>мощь</i>	<i>немошь</i>	
	<i>помощь</i>	<i>помощник</i>	
*mog-tь			
	<i>tos</i>	<i>rotos</i>	
<i>netos</i>	<i>byt netocen</i>	<i>netosnú</i>	<i>netosnice</i>

Этимологическое гнездо дает возможность рассмотреть и другие группы слов, например межъязыковые омонимы – слова двух языков, имеющие схожее звучание, но разное значение как следствие семантических изменений, о которых речь шла выше. Из приведенных выше гнезд к ним относятся: рус. *рыхлость* ‘рассыпчатость’ и чеш. *rychlost* ‘скорость’; рус. *годный* ‘подходящий для чего-л.’ и чеш. *hodný* ‘хороший, достойный’; рус. *погода* (нейтр.) и чеш. *pohoda* – ‘хорошая, прекрасная погода’; рус. *год* ‘365 дней’ и чеш. *Boží hod* ‘Рождество’, рус. *годы* (мн. число от *год*) и чеш. *hody* – ‘пир, праздничное время’; рус. *година* ‘трудное, тяжелое время’ и чеш. *hodina* ‘час’; рус. *травить* ‘давать

яд' и чеш. *trávit* 'переваривать'; рус. *otrava* 'яд' и чеш. *otrava* 'отравление'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Группировка лексики близкородственных изучаемого и родного языков в виде этимологических гнезд дополнительно к другим лексическим группам дает возможность увидеть изучаемую лексику в новом фокусе: в фокусе ее родственных связей с лексикой родного языка, общности их истории, дифференциации семантики. Систематизированная таким образом лексика

является мнемической опорой для ее запоминания, помогает ее лучшему усвоению, а также пониманию структурного своеобразия изучаемого языка в сравнении с родным. К тому же такой взгляд на общий лексический фонд двух славянских языков перекидывает мостик от собственно лингвистических сопоставительных исследований к решению практических задач преподавания русского языка в славянском коммуникативном пространстве, к повышению эффективности обучения русскому языку в инославянской аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha, 1935–1957.
- ² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.
- ³ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2-é vyd. Praha, 1968.
- ⁴ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
- ⁵ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha, 1935–1957.
- ⁸ Нидерле Л. Быт и культура древних славян / Авториз. изд. с введ. и доп. автора и предисл. акад. Н. П. Кондакова. Прага: Пламя, 1924. С. 143.
- ⁹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993.
- ¹⁰ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého...
- ¹¹ Velký česko-ruský slovník (Pod ved. L. Kopecského, J. Filipce a O. Lešky). Praha: Leda, 2005.
- ¹² Там же.
- ¹³ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка...
- ¹⁴ Velký česko-ruský slovník...
- ¹⁵ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркадьева Т. Г. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. Л., 1988. 82 с.
2. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. 2-е изд. М., 2004. 300 с.
3. Варбот Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 23–35.
4. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание: VI Межд. съезд славистов. (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 53–119.
5. Гак В. Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках // Сравнительно-историческое и общее языкознание. М., 2004. С. 84–91.
6. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 36–45.
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 326 с.
8. Маркова Е. М. Русский язык как инославянский: лингвистические и лингводидактические основания выделения и описания // Руски језик као инословенски. Русский язык как инославянский VII (2015). Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянской среде. Белград: Общество славистов Сербии, 2015. С. 61–71.
9. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2
10. Покровский М. М. О методах семасиологии // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 17–33.
11. Покровский М. М. Соображения по поводу изменения значений слов // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 36–60.
12. Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов. М., 1998. С. 3–33.
13. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003. 243 с.
14. Бронес Ж. К lingvodidaktické typologii cizojazyčného lexika. Brno, 1982. 145 s.
15. Havlová E. Poznámky k ruským homonimům // Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Brno, 1999. S. 83–89.
16. Markova E. M. Особенности группировки лексики в курсе русского языка как инославянского // Acta Rossica Tyrnaviensis II: Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno: Tribun EU, 2016. С. 124–131.

17. Rozkocová L. Problematika asociací a osvojování blízse příbuzného jazyka // *Československá rusistika*. 1977. № 3. S. 119–127.

Поступила в редакцию 05.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Elena M. Markova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation), Professor, University of Economics (Bratislava, Slovakia)
ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

BILINGUAL ETYMOLOGICAL NEST IN THE LINGUISTIC AND LINGUODIDACTIC ASPECTS

Abstract. This article explores an etymological nest combining lexemes derived from a common etymon, and assesses the linguodidactic potential of such grouping for studying a closely related language. Through the analysis of the Russian and Czech languages, the nature of this vocabulary cluster, the factors contributing to semantic changes within its lexical components, and its role in teaching Russian to foreign Slavic learners are examined. The timeliness of this study is underscored by the importance of investigating the systematization of the Russian lexicon to ensure its optimal presentation to non-native speakers. The research novelty lies in evaluating the potential of the etymological nest comprising lexemes from both the native and studied languages for teaching Russian as a foreign language. The author concludes that such lexical grouping, alongside thematic, lexical-semantic, synonymic, homonymic, and antonymic groupings, carries linguistic as well as pedagogical, methodological, and motivational value. It not only aids in reinforcing long-term vocabulary retention and enhancing understanding of the language system, but also fosters a deeper engagement with language learning, an appreciation of Slavic commonalities, and a sense of linguistic and cultural kinship among Slavic peoples.

Key words: etymological nest, bilingual aspect, Slavic languages, Russian as a foreign language

For citation: Markova, E. M. Bilingual etymological nest in the linguistic and linguodidactic aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1027

REFERENCES

1. Arkadyeva, T. G. Etymological connections of words and patterns of their change. Leningrad, 1988. 82 p. (In Russ.)
2. Budagov, R. A. Comparative semasiological studies. Romance languages. Moscow, 2004. 300 p. (In Russ.)
3. Varbot, Zh. Zh. History of the Slavic etymological nest in the Proto-Slavic language. *Slavic linguistics. XI International Congress of Slavists*. Moscow, 1993. P. 23–35. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. Problems of the morphematic structure of words and the phenomenon of homonymy in Slavic languages. *Slavic linguistics. VI International Congress of Slavists*. Moscow, 1968. P. 53–119. (In Russ.)
5. Gak, V. G. Logical foundations of the development of word meanings in related languages. *Comparative historical and general linguistics*. Moscow, 2004. P. 84–91. (In Russ.)
6. Gak, V. G. Russian dynamic picture of the world. *Russian language today*. Moscow, 2000. P. 36–45. (In Russ.)
7. Kolesov, V. V. Ancient Rus: heritage in the word. Human world. St. Petersburg, 2000. 326 p. (In Russ.)
8. Markova, E. M. Russian language as a foreign Slavic language: linguistic and linguodidactic bases for isolation and description. *Ruski jezik kao inoslovenski. Russian language as a Slavic language VII (2015). Modern study of the Russian language and Russian culture in a non-Slavic environment*. Belgrade, 2015. P. 61–71. (In Russ.)
9. Markova, E. M., Kvapil, R. Teaching Russian in a closely related Slovak environment. *Russian Language Studies*. 2021;19(2):191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 (In Russ.)
10. Pokrovsky, M. M. On the methods of semasiology. *Pokrovsky, M. M. Selected works on linguistics*. Moscow, 1959. P. 17–33. (In Russ.)
11. Pokrovsky, M. M. Some considerations on the changing of word meanings. *Pokrovsky, M. M. Selected works on linguistics*. Moscow, 1959. P. 36–60. (In Russ.)
12. Trubachev, O. N. Slavic philology and comparativeness. From congress to congress. *Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists*. Moscow, 1998. P. 3–33. (In Russ.)
13. Shmelev, D. N. Essays on the semasiology of the Russian language. Moscow, 2003. 243 p. (In Russ.)
14. Bronec, J. K lingvodidakyické typologii cizojazyčného lexika. Brno, 1982. 145 s.
15. Havlová, E. Poznámky k ruským homonimům. *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno, 1999. S. 83–89.
16. Markova, E. M. Features of vocabulary grouping in the course of Russian as a foreign Slavic language. *Acta Rossica Tyrnaviensis II: Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno, 2016. P. 124–131. (In Russ.)
17. Rozkocová, L. Problematika asociací a osvojování blízse příbuzného jazyka. *Československá rusistika*. 1977;3:119–127.

Received: 5 February 2024; accepted: 1 March 2024